

— Кэн, забудь о том, что случилось вчера в усадьбе Тосандзё. Не лезь туда.

Ранним утром Асакура Хао неожиданно вернулся домой. Выглядел он изнурённым.

— Да, учитель... — Фурукава Кэн послушно склонил голову. — Но как вы себя чувствуете? Всё ли в порядке?

Причины столь внезапного напутствия волновали его куда меньше, нежели осунувшееся лицо наставника. Всё последнее время Хао провёл у постели угасающего мастера Хамоти Тадагу, и его возвращение могло означать лишь одно.

— Да, всё кончено, — печально кивнул Хао, подтверждая худшие опасения ученика. — Учитель покинул этот мир позавчера. Вчера мы держали бдение у его тела, а сегодня...

Он осёкся. Тяжёлая скорбь в его тихом голосе говорила красноречивее любых слов.

— Берегите силы, — Кэн встревоженно шагнул вперёд.

Быстрым шагом он метнул в воздух бумажный талисман. Окутавшись искрами, офуда обернулась призрачной птицей и, взмахнув крыльями, устремилась к Онмё-рё, чтобы предупредить о его отсутствии. Сам же юноша бережно поддержал наставника под локоть: как он и боялся, Хао едва держался на ногах от истощения.

Уложив учителя в постель и убедившись, что тот заснул глубоким сном, Кэн облегчённо вздохнул. Отправив шикигами на кухню варить целебный рисовый отвар, он устроился за расписной ширмой в спальне Хао. Раскрыл было свиток с древними текстами, но буквы расплывались перед глазами — сосредоточиться никак не удавалось.

С досадой взъерошив волосы, юноша отложил чтение. Нахлынувшие мысли унесли его в прошлое, к тому дню, когда он сам лишился родителей. Кэн тяжело вздохнул, тихонько выскользнул в свою комнату и достал стопку плотной белой бумаги. Аккуратно нарезав её на ровные квадраты, он принялся молча складывать бумажных журавликов. Каждый из них становился безмолвной молитвой — данью памяти ушедшему старейшине и его собственным, давно потерянным близким.

Когда Хао открыл глаза, солнце уже клонилось к закату, заливая комнату густым янтарным светом. За полупрозрачной ширмой угадывался силуэт ученика, по-прежнему склонённого над книгами. На губах мастера промелькнула тёплая улыбка. Стоило ему зашуршать одеждами, приподнимаясь на ложе, как Кэн тут же отложил свитки и поспешил к нему, мимоходом велел шикигами нести томившийся в печи горячий отвар.

— Вы очнулись, учитель.

— Да... Вижу, в моё отсутствие ты времени даром не терял. Молодец, — негромко похвалил Хао, оценив прилежание Кэна. Однако следом с его губ сорвался тихий вздох, и в комнате вновь воцарилось тяжёлое молчание.

Понимая, какая буря бушует сейчас в душе наставника, Кэн молча принял у шикигами поднос и поднёс его к постели.

— Поешьте, вам нужны силы.

— Благодарю, — Хао признательно кивнул.

Под сочувственным взглядом ученика он взял ложку. Мягкое тепло наваристой каши разлилось по телу, снимая вековое напряжение последних дней. Напряжение наконец отступило — здесь, в стенах родного дома, он мог позволить себе слабость.

Покончив с ужином, Хао заметно окреп. Жестом разрешив Кэну сесть поудобнее, он заговорил размеренно и ровно:

— Перед кончиной учитель назначил меня преемником и новым главой клана Асакура. Как только пройдут три недели поминовения, мы отправимся в Идзумо, чтобы официально принять бразды правления.

— Повинуюсь, — отозвался Кэн.

Слухи об этом ходили по коридорам Онмё-рё уже давно, теперь же всё окончательно прояснилось. Раз уж клан Асакура признал главенство Хамоти Тадагу, воля покойного патриарха была для них непреложным законом.

Родовые земли Асакура лежали в далёкой провинции Идзумо — краю, который столичные жители издавна почитали священным и загадочным. Там процветала древняя вера, и лишь в Идзумо десятый месяц года звали Камиари-дзуки — месяцем пребывания богов, тогда как на остальной японской земле его именовали Каминаси-дзуки — временем, когда боги покидают этот мир.

Роды из Идзумо редко искали связей с императорской столицей. Но влияние киотских онмёдзи росло с каждым десятилетием, вынуждая провинциальных колдунов отправлять наследников в ученики к великим столичным мастерам. Клан Асакура проделал тот же путь.

Хао задумчиво устремил взор в вечеряющее небо за раскрытыми раздвижными дверями. На его лице отразилось столь глубокое отрешение, будто его дух готов был в любой миг покинуть бренную плоть и раствориться в вышине.

— Учитель?.. — встревоженно позвал Кэн.

— Всё в порядке, просто... уход наставника заставил меня иначе взглянуть на границу между жизнью и смертью, — Хао обернулся к нему, и на его губах заиграла загадочная, исполненная уверенности улыбка. — Помнится, Абэ-но Сэймэй когда-то пытался сотворить одно великое таинство. Думаю, мне под силу довести его замысел до совершенства.

— Что за таинство? — Кэн осторожно набросил на плечи наставника плотное хаори, оберегая от вечерней прохлады.

— Тайзан Фукун Сай, — нараспев произнёс Хао, и имя этого древнего ритуала прозвучало заворожённо, как заклинание.

Кэн, чьих познаний пока не хватало для постижения столь глубоких материй, лишь подивился про себя, почему японский обряд зовётся в честь далёкой китайской горы Тайшань, но докучать расспросами не стал.

Заметив его замешательство, Хао снисходительно потрепал юношу по макушке:

— Уже поздно. Ступай отдыхать.

— Да, доброй ночи, учитель, — Кэн поклонился и тихо вышел из покоев.

Оставшись один, Хао сидел на футоне, накинув хаори на плечи. Повинуясь лёгкому взмаху его ладони, порыв ночного ветра распахнул бумажные сёдзи. Золотистый закат угасал, уступая место сумеркам — близился грозный час Оумадоки, время злых духов. Верный шикигами бесшумно поднёс к его постели поднос с разноцветными бумажными журавликами, которых Кэн оставил на столе. Под тихий шелест магии десятки маленьких птиц взмыли в воздух, плавно кружась в янтарном полумраке комнаты. Глядя на это ребячество, Хао невольно улыбнулся.

Внезапно сквозь распахнутый проём ворвался резкий, ледяной порыв ветра, напоённый миазмами тёмной, чуждой скверны. Бумажная стая испуганно метнулась в стороны, едва не осыпавшись наземь.

Нахмурившись, Хао недовольно покачал головой. Сложив пальцы в защитный жест, он шепнул короткое заклятие. Двери сёдзи мгновенно захлопнулись сами собой, бамбуковые шторы опустились, и комната вмиг оказалась отрезанной от внешнего мира невидимым барьером.

— Похоже, над столицей собирается буря... — его тихий шёпот растворился в глухом завывании ветра за стенами дома.

Наутро Кэн с облегчением обнаружил, что учитель вернул былую бодрость. Юноша так и не осмелился спросить, какие мрачные тайны разыгрались на похоронах старого патриарха, но здоровый вид Хао развеял все его тревоги.

Склонившись в почтительном приветствии, Кэн замер, когда наставник будничным тоном произнёс:

— Время не ждёт, Кэн. В столице скоро станет беспокойно. Отправляйся в Онмё-рё и подай прошение на сдачу экзамена на звание онмёдзи.

— Слушаюсь, — отозвался юноша, хотя в глубине души его заскребло любопытство. Какая беда грозит покою Хэйан-кё?

— К нашим берегам прибило свору бездомных псов, бежавших со Срединных Земель, — Хао с сухим щелчком раскрыл веер. — Ещё две луны назад монахи с Коя-сан получили весть из-за моря и тут же доложили обо всём во дворец. Однако у вельмож свои заботы... Впрочем, они не более чем жалкие беглецы, — презрительно усмехнулся Хао, не удостоив пришельцев и капли уважения. — Проиграли войну за влияние местной нечисти, а после их, точно надоедливую саранчу, гнали взащей заклинатели династии Тан. Кое-как переправившись через бушующий пролив, они два месяца добирались до нашей земли...

Он покачал головой, закрывая веер.

— И всё же недооценивать их не стоит. Даже побитые собаки из Китая обладают недюжинной демонической силой. Будь начеку у ворот Расёмон — именно там сейчас скапливается скверна. Подозреваю, что старейшины Онмё-рё выберут это зловещее место для твоего испытания.

— Я понял вас, учитель, — согласно кивнул Кэн.

Расёмон исстари считался южными воротами города, сквозь которые в мир живых сочилась нечисть из преисподней. Встретить там чудовище можно было даже ясным днём.

— Не бойся, — ласково коснувшись волос ученика, подбодрил его Хао. — С твоим даром тебе по силам любая преграда.

— Да! — глаза юноши азартно блеснули. Схватка с диковинными тварями из далёких заморских земель будоражила его кровь.

— И ещё одно, — строго добавил Хао. — Что бы ни происходило вокруг усадьбы Тосандзё, обходи её стороной.

— Повинуюсь, — ответил Кэн.

Он прекрасно знал, что дворец Тосандзё принадлежит всеильному регенту Фудзивара-но Митинаге. Этот дом давно стал вотчиной великого Абэ-но Сэймэя и его учеников. Чужаков туда не допускали, да и сам грозный регент не жаловал иных прорицателей.

— Похоже, старый лис Сэймэй решил использовать нынешнюю заваруху, чтобы проверить на прочность своего преемника. Нам ни к чему лезть в чужие игры, — бесстрастно обронил Хао. — Вопрос лишь в том, ведает ли сам великий мастер, с кем связывается его ученик. Будет забавно, если заморские твари преподнесут ему парочку неприятных сюрпризов.

Кэн удивлённо моргнул, не до конца уловив скрытый смысл слов наставника, но спорить не стал — поклонился и поспешил к воротам Онмё-рё.

Глядя вслед спешащему ученику, Хао тепло улыбнулся. Но стоило силуэту Кэна растаять в утренней дымке, как его лицо исказила ледяная, презрительная усмешка.

«Глупцы из школы Хамоти... Неужто отпрыски покойного Тадагу всерьёз полагают, будто я стану терпеть их капризы лишь из уважения к имени их отца? Похоже, великий урок десятилетней давности канул в лету, и никто о нём больше не помнит. Ну что ж, тем лучше».

Ныне двадцатилетний Асакура Хао до мельчайших подробностей помнил то, что случилось декаду назад, когда мир знал его под именем Асаха Додзи. В тот злополучный день его истинный учитель, Хамоти Тадагу, улучив момент, пока Абэ-но Сэймэй и Камо-но Ясунори покинули столицу, совершил ужасающее святотатство, которому нет прощения ни на небесах, ни на земле. Тогда, охваченный яростью, юный Асаха едва не превратился в свирепого демона. Лишь вмешательство заезжего старика-прорицателя, владевшего лишь самыми азами гадания, спасло его душу от вечного проклятия и позволило вновь обрести человеческий облик.

В знак благодарности Хао сотворил великую иллюзию, наделив своего спасителя ликом и величием Хамоти Тадагу, дабы тот занял место безумного мастера, а сам Хао смог продолжить путь к вершинам мастерства, оставаясь человеком.

Теперь старик, носивший маску Тадагу, обрёл вечный покой. В этом бренном мире больше не осталось тех, кого Хао должен был превзойти. Настало время исполнить заветную мечту своего сиротского детства — вознестись над жалкой человеческой природой и узреть тайны великого запределья.

Тайзан Фукун Сай — ритуал подчинения жизни и смерти. Он непременно подчинит себе эту силу.

«Впрочем, сначала нужно присмотреть за этим недотёпой-учеником», — подумал Хао и с едва заметной улыбкой вернулся в полумрак своего кабинета.